

УДК 94(571.6)+930 «192»
DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-9-19

В. И. ШИШКИН

Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук,
г. Новосибирск

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1920-х ГОДОВ О БУФЕРНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЭПОХИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

В статье анализируются советские публикации 1920-х годов, посвященные буферной государственности на востоке России в эпоху гражданской войны, выясняется их вклад в отечественную историографию. Делаются выводы, что в этих публикациях в научный оборот был введен ряд уникальных исторических источников; их авторы использовали разные методологические подходы для изучения феномена буфера; высказали несопадающие взгляды на цели буферной государственности, дали различную трактовку ее сущности в форме Дальневосточной республики. В статье показано, что одни публикации 1920-х годов были сразу же забыты или осознанно проигнорированы, другие использовались последователями ситуативно и/или конъюнктурно, третьи оставались востребованными на всех стадиях развития отечественной историографии.

Ключевые слова: Советская Россия, гражданская война, большевики, восток России, Политический центр, буфер, Дальневосточная республика (ДВР), историография.

Постановка проблемы. Буферное государство, буферная государственность, буферная власть, государство-буфер, восточносибирский буфер, дальневосточный буфер — эти словосочетания стремительно вошли в российский общественно-политический и военный лексикон в начале 1920 г. в ходе и после ликвидации режима адмирала А. В. Колчака.

На протяжении без малого трех последующих лет, до конца 1922 г., эти словосочетания фигурировали на страницах многих сибирских и большинства дальневосточных периодических изданий разных партийно-политических направлений, стимулируя неподдельный интерес читателей и будо-

ража их сознание новостями из жизни российской окраины.

Очень коротко объясним, что же понималось и имелось в виду под словом «буфер» в контексте военно-политических событий начала 1920-х годов. Этот термин существовал как бы в двух основных ипостасях и стадиях развития. Изначально он являлся замыслом, идеей, проектом, целью. Его авторами были деятели Иркутского Политического центра, состоявшие из умеренных социалистов, которые в конце 1919 г. ввели термин в публичный дискурс и политически актуализировали. Под буфером они подразумевали временное государственное образование демократического характера, которое обяза-

вались создать в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Социалисты брали на себя обязательство с помощью буфера не допустить прямого боестолкновения наступавшей на восток Красной армии и находившихся на Дальнем Востоке вооруженных сил Японии, а также очистить территорию востока России от войск интервентов, не прибегая для этого к оружию, исключительно дипломатическим путем.

В январе 1920 г. идея буфера была воспринята высшим руководством РСФСР, адаптирована им применительно к собственным задачам и целям, но при этом существенно трансформирована. В результате большевики перехватили у социалистов создание и руководство буфером. Они дали обещание населению востока России и интервентам не восстанавливать на территории буфера Советскую власть, допустить всеобщее избирательное право, парламент, многопартийность, коалиционные органы власти, смешанную экономику. При этом территорию буферного образования большевики намеревались сократить путем смещения его западной границы из Иркутской губернии в Забайкалье.

Второе значение термин «буфер» обрел в 1920–1922 гг. в процессе его воплощения в жизнь, организации и функционирования временного государственного устройства, получившего название Дальневосточной республики (ДВР). За почти три года своего существования ДВР претерпела значительную эволюцию. Изменилась структура ее органов власти, границы и масштаб подконтрольной территории, характер взаимоотношений с РСФСР, интервентами и близлежащими государствами. Иначе говоря, буфер не являлся некоей раз и навсегда установленной жесткой государственной институцией. Напротив, он постоянно развивался, неоднократно переформатировался. Можно даже сказать, что буфер был многоликим.

Происходившие с буфером метаморфозы затруднили понимание сущности этого феномена государственности не только рядовыми обывателями, но и даже значительной частью политических деятелей. В конце декабря 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов, отвечая на записку одного из его делегатов, В. И. Ленин дал такое пояснение термину, воплотившемуся к тому времени в ДВР: «Буфер — это такое затруднительное определение, когда нас спрашивают: вы или буфер? Есть, с одной стороны, буфер, а с другой стороны — есть соответственное партбюро РКП» [1, с. 170].

Буфер в обоих его ипостасях — как словесный конструкт и социально-политическая реальность — стал предметом внимания и описания со стороны ряда активных участников гражданской войны на востоке России еще при своем существовании. В воспоминаниях и историко-публицистических сочинениях они делились фактическими сведениями, размышлениями и мнениями о том, кто, зачем, почему и с какой целью сформулировал идею буфера, как она воплощалась в жизнь и что из этого в итоге получилось.

В дальнейшем на протяжении почти ста лет к буферной тематике попутно или специально обращалось не одно поколение российских историков. В результате к настоящему времени количество такого рода изданий в виде научно-исследовательских и научно-популярных книг, статей, документальных публикаций, рецензий достигло нескольких сотен наименований, которые частично подверглись историографическому анализу. Начало критическо-

му рассмотрению литературы, посвященной ДВР, еще в советское время положили А. П. Шурыгин и Б. М. Шерешевский и др. [2–6]. Однако вне их поля зрения остались публикации, посвященные комплексу вопросов о буфере как интеллектуальном продукте Иркутского Политцентра, и попытках его претворения в жизнь. Констатируя приоритет А. П. Шурыгина и Б. М. Шерешевского в качестве историографов части буферной проблематики, необходимо также указать на то, что названные авторы давали свои оценки опубликованной литературе строго в рамках марксистской исследовательской парадигмы. В настоящее время их выводы не могут быть признаны достоверными. Они нуждаются в пересмотре и корректировке с позиций научной беспристрастности и объективности. В предлагаемой статье ставится задача проделать именно такую работу: выявить всю совокупность публикаций 1920-х годов, посвященных буферной проблематике, проанализировать и оценить вклад этих изданий в отечественную историографию темы.

Основная часть. Первыми по времени о буфере как о реальном государственном образовании стали писать действующие деятели ДВР, для которых эта тема была ближе и актуальнее, чем для кого-либо другого. Авторами текстов о буферном государстве являлись бывший одно время председателем Совета министров ДВР, руководителем Дальневосточного секретариата Коминтерна и уполномоченным Народного комиссариата иностранных дел на Дальнем Востоке Б. З. Шумяцкий, заместитель председателя правительства ДВР Д. С. Шилов, Главнокомандующий Народно-революционной армии (НРА) ДВР В. К. Блюхер, начальник Полевого штаба Главкома П. А. Луцков, сотрудники правительства и политработники НРА, общественные деятели и журналисты [7–12]. К сожалению, значительная часть вышедших в свет очерков и статей не имела фамилий их авторов или они были подписаны инициалами, которые современные исследователи до сих пор не раскрыли.

В публикациях дальневосточников прослеживаются две разные точки зрения на причины создания буфера, об инициаторах его создания и на первые шаги по формированию ДВР. Вот как писал об этом безымянный автор первой опубликованной истории ДВР, явно принадлежавший к лагерю умеренных социалистов: «В целях изолирования Японии в восточносибирском вопросе и российская и сибирская демократия остановилась на создании в Вост[очной] Сибири автономной демократической государственности <...>. От учета создавшейся для России международной обстановки пришли к необходимости создания искусственного государственного образования, официальное начало коего было положено в Верхнеудинске». Он утверждал, что первый орган власти ДВР в виде Временной земской власти Прибайкалья родился «в муках партийных споров» [7, с. 35].

Первый историк ДВР высоко оценил состоявшийся в Верхнеудинске в конце марта — начале апреля 1920 г. Учредительный съезд трудящихся Прибайкалья и принятую им декларацию, провозгласившую образование на этой территории суверенной демократической власти. В то же время он критически оценил деятельность избранного съездом Временного правительства, заявив, что «политика вновь созданной власти была отмечена уклоном в сторону внесения в административный и экономический строй ДВР тех начал, которые су-

ществовали в Совет[ской] России». Такая политика, как утверждал автор, «являлась главным основанием расхождения господствующей партии [коммунистов] с другими социалистическими группировками, ставившими условием своего вхождения во власть проведение всестороннего демократического устройства в ДВР, и затруднила успешность переговоров с Японией...» [7, с. 36].

Точно так же высокую оценку первый историк ДВР дал состоявшейся в конце октября 1920 г. объединительной конференции областных правительств, декларировавшей самостоятельную демократическую республику на всем пространстве Дальнего Востока. Вместе с тем он констатировал, что между социалистами и коммунистами снова потерялась спайка и межпартийные разногласия снова выступили «тормозом на пути ответственной работы государств[енного] буфера» [7, с. 37].

Крупным успехом буфера автор считал выборы и созыв в феврале 1921 г. Учредительного собрания ДВР, издавшего акт об образовании ДВР и принявшего ее Конституцию. Он посчитал нужным отметить, что, «несмотря на разнородность партийного состава Учредительного собрания, работы последнего отразили глубокое понимание представителями народа значения исторического момента и трезвый учет международной обстановки <...>». Он утверждал: «Работы всех группировок в Учредительном собрании ясно показали, что в борьбе за независимое революционное существование Дальнего Востока, в этом главном для переживаемого исторического момента вопросе, наблюдалось подлинное единение <...>» [7, с. 38].

Во многом иначе освещались становление и функционирование буфера в большинстве публикаций, авторами которых были члены Российской коммунистической партии большевиков (РКП (б)). Так, в брошюре «Как краснел Дальневосточный буфер», предназначенной для партийно-политических работников НРА, довольно откровенно и предметно говорилось о том, как и каким образом большевики ДВР боролись с меньшевиками и эсерами, которых они считали своими политическими противниками. Авторы брошюры с гордостью писали, что в этой борьбе члены РКП (б) использовали армию, судебную систему и законодательство, институт политических комиссаров и Государственную политическую охрану — аналог советской Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Они утверждали, что во всех сферах жизнедеятельности коммунисты работали в целях укрепления связи ДВР с РСФСР. Именно благодаря этому к концу 1922 г. «стало ясно: в буфере, кроме названия, ничего буферного не осталось <...>» [11, с. 37].

Менее конкретно, но в более развернутом и обобщенном виде, эта же концепция нашла отражение в брошюре «Борьба с контрреволюцией в Сибири и на Дальнем Востоке», подготовленной политработниками НРА и ориентированной на беспартийную красноармейскую массу. Идею и инициативу организации дальневосточного буфера авторы названной брошюры целиком приписывали РКП (б), рассматривали буфер только в его «красной» разновидности и полностью отождествляли с ДВР, общественно-политический строй которой только формально признавали буржуазно-демократическим.

При этом они считали организацию буфера следствием, с одной стороны, возможности, возникшей

в результате разгрома колчаковского режима, с другой — как необходимость решения ряда насущных проблем, стоявших перед РСФСР на Дальнем Востоке. В ряду таких проблем на первое место авторы-коммунисты ставили задачу ограждения Советской России «от непосредственного столкновения с японскими хищниками». Исходя из такой оценки ситуации, они расценивали буфер как временную уступку «желтому империализму» [12, с. 18].

В принципе задачи, стоявшие перед ДВР, авторы-коммунисты в этой публикации определяли так: «1) Дать передышку Советской России, 2) уничтожить блокаду, 3) избежать войны с сильными соседями, 4) способствовать изжитию интервенции, 5) образовать для Советской России красный заслон на случай войны и напора капиталистов, 6) организовать в заслоне свою армию для первого отпора капиталистам» [12, с. 116].

Авторы данного издания показали направления и проанализировали результаты государственного и военного строительства в ДВР. Их главный вывод заключался в том, что «с первого и до последнего дня своего существования [буфер] все больше и больше краснел и созрел, чтобы в его содержание все больше и больше вносилось советского строя, а строй буржуазно-демократический все больше и больше отмирал и заменялся советским». С устранением объективных военно-политических причин и решением поставленных перед буфером задач они связывали возможность ликвидации ДВР и полной советизации Дальнего Востока [12, с. 141].

С середины 1920-х годов освещением буферной проблематики стали заниматься также участники ликвидации колчаковского режима в Восточной Сибири. В их числе были такие известные деятели, как бывший меньшевик М. М. Константинов, являвшийся в конце 1919 — начале 1920 г. председателем Иркутской городской думы и членом созданного Политцентром Временного Сибирского совета народного управления, большевики И. Н. Смирнов и А. А. Ширямов, первый из которых занимал в то время пост председателя Сибирского, а второй — Иркутского губернского революционного комитета.

Замысел создания буферного государства в Восточной Сибири в конце 1919 — начале 1920 г. М. М. Константинов и И. Н. Смирнов связывали с деятельностью и намерениями Иркутского Политцентра, нелегально организованного в конце ноября 1919 г. по инициативе руководства эсеров. Они указали состав Политцентра, назвав его коллективными членами Всесибирский краевой комитет эсеров, Бюро сибирских организаций РСДРП, Земское политическое бюро и Центральный комитет объединений трудового крестьянства Сибири.

Задачи и цель, которые ставили перед собой деятели Политцентра, намереваясь образовать буфер на востоке России, М. М. Константинов, А. А. Ширямов и И. Н. Смирнов раскрыли в разной степени полно, компетентно и объективно.

М. М. Константинов, ставший к тому времени профессиональным советским историком, был очень хорошо знаком с проблемой. Он, как говорится в таких случаях, знал о ней не понаслышке, а «изнутри». М. М. Константинов утверждал, что Политцентр считал своей задачей борьбу с колчаковщиной, выступал за прекращение Гражданской войны с Советской Россией и за единый революционно-социалистический фронт против реакции, стремился к организации в Восточной Сибири временной революционной власти на широких демо-

кратических основаниях с устранением из нее буржуазных кругов.

По мнению М. М. Константинова, свою «временную» миссию Политцентр мыслил «не как переход от колчаковщины к Советской власти, а как государственное образование с суверенной властью», признаваемой иностранными державами и мирно сожительствующее с Советской Россией. «Хотя буфер и выдвигался социалистами как способ наиболее безболезненной ликвидации реакционных правительств на востоке и вместе с тем нейтрализации союзников, — полагал М. М. Константинов, — эсеры смотрели на него еще и как на новую позицию в дальнейшей борьбе с Советской властью и большевизмом» [13, с. 17]. Еще более жесткую позицию без ссылок на какие-либо факты сформулировал М. М. Константинов годом раньше, утверждая, что эсеры и меньшевики «рассчитывали использовать буфер для опоры в дальнейшей борьбе с Советской властью» [14, с. 214].

М. М. Константинов поставил вопрос о том, какую роль сыграл Политцентр в период ликвидации колчаковщины. Он считал, что у деятелей Политцентра складывалось представление о его доминирующем значении в борьбе с остатками реакции на востоке. В действительности, как считал М. М. Константинов, «роль Политцентра была значительно скромнее, чем казалось и кажется на первый взгляд» [13, с. 16].

Принципиально иное мнение относительно того, зачем и с какой целью на политической арене Восточной Сибири возник Политцентр, высказал А. А. Ширямов. По его мнению, дело было в следующем: «Нужно было на место падающей колчаковской власти создать какую-нибудь иную власть, которая могла хотя бы на время задержать наступление советских армий, вступить с ними в переговоры, поддержать какой-нибудь порядок среди бушующего моря восстания, чтобы дать время чехам выбраться на восток» [15, с. 24].

Меньшевиком и эсеров Сибири считал предателями революции, лжецами и «бандитами слова», которые свою первоочередную задачу видели в том, чтобы остановить наступление Красной армии на Иркутск. По мнению А. А. Ширямова, меньшевики и эсеры своими заявлениями о буфере как о «переходной ступеньке к Советской власти», о том, что с помощью буфера «хотят сделать лишь более безболезненным переход от колчаковщины к Советской власти», ввели в заблуждение во время переговоров в Томске 19 января 1920 г. представителей Сибревкома и Реввоенсовета 5-й Армии.

Как утверждал А. А. Ширямов, в действительности меньшевикам и эсерам «нужен был новый организационный центр, откуда они вновь могли бы начать плести тенета трудовой России, готовить новые заговоры и нападения». На этом основании он считал Политцентр «измененным в сторону демократии продолжением колчаковщины». «Колчаковщина, — заявлял А. А. Ширямов, — не была изжита с приходом Политцентра. Политцентр был продолжением колчаковщины, вернее, ее заключительной главой» [15, с. 19, 30–32, 36].

А. А. Ширямов назвал причины, по которым 21 января 1920 г. Иркутский военно-революционный комитет, созданный большевиками и левыми эсерами, потребовал от Политцентра передать ему власть, а последний с этим требованием безоговорочно согласился. Лидер иркутских большевиков такое поведение Политцентра объяснял отсутстви-

ем у эсеров и меньшевиков реальных сил для борьбы как с отступавшими к Иркутску каппелевцами, так и для оказания сопротивления сторонникам Советской власти [15, с. 34–36].

Не очень внятно, но А. А. Ширямов вскользь упомянул о том, что даже после передачи Политцентром власти Иркутскому Военревкому состоялись новые переговоры, входе которых было принято решение аннулировать Советскую власть в Иркутске и оставить в силе прежнее решение о создании буфера с границами, установленными в Томске¹.

Согласие Сибревкома и Реввоенсовета-5 принять предложение Политцентра о создании буфера во время переговоров в Томске, а затем в Красноярске А. А. Ширямов во многом объяснял влиянием, которое оказал на этих переговорах на советскую сторону прибывший вместе с делегацией Политцентра посланец иркутских большевиков А. М. Краснощеков, считавшийся знатоком Дальнего Востока.

А. А. Ширямов утверждал, что Иркутский губком большевиков дал А. М. Краснощекову наказ информировать Москву «о действительном положении дел в Иркутске, о полном отсутствии у Политцентра какого-либо авторитета среди населения и какой-либо реальной силы. Он должен был настаивать на скорейшем занятии Иркутска 5-й Армией и отклонении предложения Политцентра о признании его» [15, с. 30–31; 16, с. 292].

Как установил историк А. Г. Солодянкин, обратившийся в конце 1950-х годов к протоколам Иркутского губкома РКП (б), А. А. Ширямов неверно изложил позицию губкома. На самом деле 9 января 1920 г. губком дал А. М. Краснощекову совсем другие директивы: «1. Узнать, где находится центральная армия (имеется в виду Красная армия. — В. Ш.). 2. Узнать намерения центра о продвижении на восток. 3. Нужно ли нам идти на восток. 4. Отношение к текущему моменту. 5. Установление контакта с центром» [17, с. 128].

Весьма вероятно, что стремление А. А. Ширямова приписать А. М. Краснощекову едва ли не решающую роль на переговорах в Томске объясняется не столько реальным воздействием этого деятеля на переговорный процесс, сколько двумя другими обстоятельствами. Прежде всего, сказался глубокий политический конфликт между А. М. Краснощековым и А. А. Ширямовым по вопросу о буфере в первой половине 1920 г.: А. М. Краснощеков был его активным сторонником и затем главным организатором, тогда как А. А. Ширямов — решительным противником. Видимо, на позиции А. А. Ширямова сказался также тот факт, что в сентябре 1923 г. А. М. Краснощеков был арестован, исключен из РКП (б) и в марте 1924 г. приговорен к шести годам тюремного заключения [18, с. 169–197; 19].

Иначе трактовал события, связанные с Политцентром и замыслом буфера, И. Н. Смирнов. Он считал, что Политцентр являлся реакцией интеллигенции на колчаковский режим и свидетельствовал о ее желании установить в России буржуазно-демократические порядки. По его мнению, центральным пунктом программы Политцентра была борьба с интервенцией за независимость России. Поскольку деятели Политцентра понимали, что в то время освободить от японцев Забайкалье и Дальний Восток вооруженным путем Советская власть была не в состоянии, они предлагали играть на противоречиях между Соединенными Штатами Америки и Японией. Успешность такой дипломатической

игры политцентровцы считали возможной «лишь при наличии буфера» [20, с. 135–136, 138].

По свидетельству И. Н. Смирнова, А. М. Краснощеков сообщил советскому руководству о том, что Иркутский комитет РКП (б) «безусловно против признания особой государственности, возглавляемой Политцентром». В то же время посланец Иркутска охарактеризовал военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке как крайне тяжелую из-за того, что почти «весь край от Верхнеудинска до Владивостока был в руках японцев». Советская сторона тоже сознавала, что попытки 5-й красной армии продвинуться за Байкал неизбежно приведут к боестолкновениям с более многочисленными и мощными японскими войсками. По свидетельству председателя Сибревкома, в Томске, а еще лучше в Москве, понимали необходимость передышки. И. Н. Смирнов признал: «На мой вопрос, как быть с делегацией [Политцентра], мною было получено указание договориться об образовании буфера» [20, с. 137–138].

И. Н. Смирнов констатировал, что во время переговоров в Томске у большевиков и у Политцентра «был различный подход к буферу». Наибольшие разногласия обнаружились по вопросу о его территории и западной границе. Советская сторона по соображениям военного характера предлагала Политцентру обосновать свою резиденцию в Верхнеудинске, еще занятом семеновцами и японцами. Политцентр настаивал на сохранении за ним Иркутска в качестве базы буферной государственности. Для Советской власти буфер был необходим, «но только как прикрытие с востока». Цель, которую преследовал созданием буфера Политцентр, И. Н. Смирнов видел иначе: «Несомненно, Политцентру этот буфер представлялся как демократическая республика, где они могли бы укрепиться организационно для наступления на Советскую Россию» [20, с. 138–139].

Причиной, по которой Политцентр без сопротивления уступил власть в Иркутске советскому военревкому, И. Н. Смирнов вслед за А. А. Ширямовым называл неготовность его деятелей к борьбе с отступавшими на восток кашпелевцами. В то же время И. Н. Смирнов признавал, что «буфер, как временное государственное образование, нами считался полезным», а с ликвидацией Политцентра идея буферного государства не умерла: «Буфер был создан в Забайкалье» [20, с. 139].

Значительные расхождения между тремя названными авторами можно объяснить разными причинами. На взглядах М. М. Константинова сказались его меньшевистское прошлое и стремление дистанцироваться от эсеров, задававших тон в Политцентре и стоявших на более антибольшевистских позициях, чем меньшевики.

Мнения И. Н. Смирнова и А. А. Ширямова разошлись в основном по двум причинам. И. Н. Смирнов, в то время входивший в высший слой большевистско-советской элиты, был человеком с более широким, чем А. А. Ширямов, кругозором. Он лучше знал и глубже понимал военно-политическую обстановку на востоке России в конце 1919–начале 1920 г. Сказался и тот факт, что А. А. Ширямов и И. Н. Смирнов по-разному относились к Политцентру и его замыслу создания буфера. А. А. Ширямов был их противником, тогда как И. Н. Смирнов являлся главным проводником идеи организации буферного государства на Дальнем Востоке. М. М. Константинову и И. Н. Смирнову принадле-

жит также заслуга публикации ряда небольших по объему, но исключительно важных документов, в которых нашли объективное отражение подлинные причины, обусловившие выдвижение Политцентром идеи буфера и его военно-политической цели [21, 22].

До конца 1920-х годов Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке продолжала активно освещаться в советской печати. Выходили воспоминания участников событий, очерки, статьи и брошюры журналистов, публицистов и исследователей. Свое внимание они концентрировали преимущественно на показе деятельности большевистского подполья и партизанского движения, иностранной, прежде всего японской, интервенции, политических режимах адмирала А. В. Колчака и атамана Г. М. Семенова, терроре контрреволюции, боевых действиях противоборствовавших сторон. Что касается буферной тематики, то она как бы потеряла свою актуальность и перестала употребляться даже в названиях публикаций (перечень см.: [23, 24]).

Пожалуй, единственное исключение в этом ряду составляли книги бывшего участника революции в Сибири и Гражданской войны на Дальнем Востоке П. С. Парфенова (Петра Алтайского). В 1917 г. он являлся меньшевиком, а потом (правда, не ясно, где и когда) вступил в большевистскую партию. В 1921–1932 гг. П. С. Парфенов выпустил в свет около десятка статей и три книги, опубликованные двумя изданиями каждая и вышедшие большими для того времени тиражами в диапазоне от 2,0 тыс. до 10,2 тыс. экземпляров [25–30].

Такой издательский успех сначала был обусловлен хвалебными отзывами, которые дали на поверхность и во многом тенденциозную книжку П. С. Парфенова «Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918, 1919 и 1920 гг.» несколько рецензентов, в том числе являвшиеся сотрудниками Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП (б) В. Ф. Владимиров (Е. М. Хрущева-Сафьяникова) и С. А. Пионтковский, а также один из партийных руководителей Сибири Д. Г. Тумаркин [31, с. 235–237; 32, с. 183–185; 33, с. 248; 34, с. 259–204; 35, с. 129–130]. В дальнейшем двери крупнейших столичных издательств открывались перед П. С. Парфеновым благодаря тому, что в 1925–1926 гг. он занимал важную номенклатурную должность ответственного инструктора ЦК ВКП (б) по Сибири и Дальнему Востоку.

По мнению В. Ф. Владимировой, достоинства сочинения П. С. Парфенова «Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918, 1919 и 1920 гг.» заключались «в марксистском изложении и освещении хроники событий в Сибири, основанном на богатом фактическом и документальном материале» [31, с. 237]. В действительности, как признавался сам П. С. Парфенов, его сочинения базировались на основе «личных фиксированных впечатлений» и информации, большую часть которой автор черпал из устных разговоров, газетной периодики и минимальной, во многом случайной, архивной документации.

С формальной точки зрения, в книгах П. С. Парфенова содержалось описание военно-политических и дипломатических событий на востоке России в 1918–1922 гг. Но их изложение давалось в основном бессистемно, зачастую сумбурно и невнятно, к тому же языком, далеким от научного. Тексты П. С. Парфенова содержали серьезные фактиче-

ские ошибки, авторские домыслы, тенденциозные интерпретации событий и поведения людей.

На недостоверность сообщаемых П. С. Парфеновым сведений уже в его первой книге неоднократно обращали внимание русские историки и публицисты, жившие в эмиграции. Об аналогичных изъянах, имевшихся в журнальных статьях, публично писали в советской печати участники событий, известные большевики, в компетентности и объективности которых сомневаться не приходится (см., например: [36–37]).

Особенно жесткой и вполне обоснованной критике в специальной рецензии, опубликованной в центральном советском журнале «Историк-марксист», подверг вторую книгу П. С. Парфенова «На соглашательских фронтах» большевик с 1914 г. и один из руководителей антиколчаковского подполья в Сибири К. М. Молотов, имевший высшее образование и занимавшийся в первой половине 1920-х годов научно-исследовательской и популяризаторской работой в области истории. Содержание этой книги К. М. Молотов оценил как «набор эпизодов и поступков отдельных людей, ведущих отдельную линию, борющихся за нее и проводящих ее неведомо от чьего имени, неведомо под чьим руководством», а автора назвал человеком, который «не церемонится с исторической и политической правдой» [38, с. 265, 267].

Методологические подходы, применявшиеся П. С. Парфеновым, К. М. Молотов определил так: «<...> Рецензируемая работа насквозь индивидуалистична. Она индивидуалистична не только потому, что автор пишет ее в плане сугубо личных воспоминаний, а потому, что она пытается подменить историю классов историей лиц, классовую борьбу — борьбой дипломатической. И не случайно, что из девяти глав его водянистой работы ни одной главы или даже подглавки не посвящено рабочему или крестьянскому движению» [38, с. 266].

Подводя итоги своего анализа книги П. С. Парфенова «На соглашательских фронтах», К. М. Молотов сделал такие выводы: «Она является собранием эпизодов, анекдотов, всего, чего хотите, только не марксистской работой об одном из этапов борьбы за наш Дальний Восток. Книга Парфенова не только не научная, не только не историческая, но, по своим обывательским качествам, по своему сочувственному смакованию весьма досадных фактов, которых, конечно, не могло не быть в столь большой исторической и героической эпопее, — она еще и политически вредная книга» [38, с. 268].

Замечания в свой адрес со стороны рецензентов и разоблачителей П. С. Парфенов не принимал, но не раз делал разного рода самокритичные признания. В одном случае, в марте 1924 г., он в предисловии от автора написал, что «настоящее издание не может претендовать на совершенство и даже на полноту» [26, с. 6], во втором, в декабре 1926 г., — что эту книгу «нельзя назвать историей, не претендует она и на полноту изложения...» [29, с. 4], в третьем, в марте 1927 г., — «книга не может претендовать на бесспорное "историческое значение" и даже на полноту изложения» [30, с. 3–4]. Отводя упреки в субъективизме, П. С. Парфенов утверждал, что «старался быть объективным, поскольку это мыслимо для человека, имеющего свои политические убеждения и являвшегося активным участником многих описываемых событий» [26, с. 6].

Совершенно очевидно, что в своих книгах о Гражданской войне в Сибири и на Дальнем Вос-

токе П. С. Парфенов не мог обойти молчанием вопрос о буфере в том или ином его варианте: в том, который проектировал и пытался создать Иркутский Политцентр, или об его разновидности, воплощенной затем в ДВР.

Так, в абреже четвертой части «Гражданской войны в Сибири» имеется обещание П. С. Парфенова показать «возникновение (? — В. III.) буфера ДВР» [26, с. 4, 126]. Столь сложному вопросу он уделил на страницах своей книги всего один абзац, понять содержание которого, наверно, мог только читатель, который знал суть дела лучше самого автора.

Вот текст этого абзаца: «И перед руководящей политической партией встает вновь вопрос, как разрядить создавшуюся кровавую атмосферу и сохранить территорию Дальнего Востока для России. Прибывший к этому времени во Владивосток представитель Советского правительства В. Виленский находит выход этому желанию, официально заявляя, что центральное русское правительство, учитывая особые интересы Японии на Дальнем Востоке, соглашается на организацию государства-буфера из русских областей, по своей экономической и политической структуре отличного от Советской России» [26, с. 140].

Если перевести сумбур П. С. Парфенова на русский язык, то, по его мнению, единственной причиной, по которой правительство РСФСР пошло на создание буфера в виде ДВР, являлся учет советским руководством особых интересов Японии на Дальнем Востоке. Причем территориально организацию ДВР П. С. Парфенов связывал не с Верхнеудинском и Забайкальем, а с Владивостоком и Приморьем. Такая трактовка создания ДВР плохо соответствовала недавним реалиям.

Что касается освещения буферной тематики П. С. Парфеновым во второй книге, «На соглашательских фронтах», то в данном случае целесообразно ограничиться одним фрагментом из уже упоминавшейся рецензии К. М. Молотова. Рецензент писал: «<...> История буфера, история одного из маневров гениального кормчего пролетарской революции В. И. Ленина изображена как история мелкой провинциальной дипломатии местных товарищей с японцами и американцами, и совершенно не замечен только "слон", только "кит", на котором держался эти три года карточный домик буфера — ДВР. Одним словом, не замечена Советская Россия, ее удельный вес, не замечен[ы] рабочий класс и крестьянство Дальнего Востока» [38, с. 265].

Значительно лучше двух предыдущих оказался текст третьей книги П. С. Парфенова «Борьба за Дальний Восток», работу над которой автор завершил в декабре 1926 г. Цель этой книги П. С. Парфенов видел в том, чтобы «дать краткое освещение всех важнейших моментов борьбы за Дальний Восток и особенно — их фактической стороны».

На этот раз источниковая база сочинения была намного шире, чем ранее изданных. П. С. Парфенов утверждал, что он пользовался материалами «главным образом местных и зарубежных газет и архивами трех владивостокских правительств». На самом деле автор активно использовал также опубликованные документы и к тому времени вышедшие в свет мемуары. В частности, он опирался на воспоминания таких видных деятелей контрреволюции, как Г. К. Гинс, К. В. Сахаров, Б. Солодовников, П. Д. Яковлев, их противников из лагеря большевиков И. Н. Смирнова, А. А. Ширямова, В. Г. Яковенко, члена французской военной миссии

в России Ж. Пишона и ряда др. В результате книга оказалась объемной, в полтора-два с половиной раза превышавшей каждую из ранее опубликованных. Но П. С. Парфенов счел нужным сообщить читателям, что «события на Дальнем Востоке были настолько сложны и разнообразны, что они требуют более детального исследования и значительно большего места» [29, с. 4].

Книга была довольно грамотно структурирована по проблемно-хронологическому принципу и состояла из 23 глав. В нескольких главах в ней нашлось небольшое место и буферной проблематике. Но если проанализировать распределение в книге фактического материала, то оно не помогало выяснению различий между государством-буфером, которое планировали деятели Политцентра, а затем пытались на практике осуществить в ДВР меньшевики и эсеры, и тем буфером, который реально строили в ДВР большевики.

На основе опубликованных источников П. С. Парфенов кратко описал взятие Политцентром власти в Иркутске, его деятельность по упрочению своего положения, переговоры 19 января 1920 г. делегации Политцентра в Томске с представителями Сибревкома и Реввоенсовета 5-й Армии. Он сообщил о достигнутой в Томске договоренности насчет создания Восточно-Сибирского государства-буфера, об одобрении такого решения В. И. Лениным и Л. Д. Троцким, а также о совершившейся в то же время передаче Политцентром власти созданному большевиками и левыми эсерами военно-революционному комитету [29, с. 42–45, 51, 54–60].

Несколько более подробно и пространно П. С. Парфенов осветил первые шаги по созданию ДВР в Верхнеудинске, последующую межпартийную и межправительственную борьбу за влияние внутри ДВР между большевиками, с одной стороны, меньшевиками и эсерами — с другой, между созданным в Верхнеудинске правительством во главе с коммунистом А. М. Краснощековым и коалиционным Владивостокским правительством Приморской области. П. С. Парфенов больше внимания уделил событиям во Владивостоке и Приморье, чем в Верхнеудинске и Чите [29, с. 148–157, 204–230, 284–308, 355–360], тем самым объективно принизив роль и значение дальневосточного буфера в интеграции всех областей Дальнего Востока под эгидой руководимого большевиками правительства ДВР и в изживании японской интервенции.

Заключение. Анализ содержания текстов публикаций, сделанных в 1920-е годы дальневосточными и сибирскими участниками событий эпохи гражданской войны, в которых наша отражение буферная проблематика, позволяет сделать несколько выводов.

Прежде всего, необходимо отметить важное значение, какое имело введение в научный оборот ряда исторических источников, ранее не известных историческому сообществу. Их небольшой объем восполнялся уникальностью фактических данных, особенно ценных для понимания замысла и цели, которые Иркутский Политцентр связывал с созданием буферного государства на востоке России.

Еще одним достоинством литературы 1920-х годов являлось стремление ее авторов к самостоятельности, как на стадии применения методологических подходов, так и на уровне концептуализации анализировавшихся явлений. В частности, хорошо прослеживается различное понимание и использование ими термина «буфер». Если одна группа ав-

торов писала о строительстве и функционировании так называемого «красного» буфера в форме ДВР, то другая концентрировала свое внимание на изучении вопросов о том, кто, когда, почему, зачем и с какой целью в принципе сформулировал идею организации буфера.

Расхождения дальневосточников и сибиряков в понимании термина «буфер» и его воплощения в виде ДВР во многом были обусловлены тем, что все они, за исключением А. А. Ширямова, имели дело только с какой-то одной его разновидностью и писали о нем, в основном опираясь на свой личный опыт, свое знание вопроса, полученное на практике. В результате к концу 1920-х годов в советской историографии обозначилась тенденция раскрывать роль и значение буферной государственности преимущественно через создание и функционирование ДВР, тогда как Иркутский Политцентр и его попытки организации буфера стали рассматриваться как малозначимые события гражданской войны, не заслуживавшие специального внимания.

В начале 1970-х годов Б. М. Шерешевский, являвшийся в то время крупнейшим знатоком истории ДВР, сделал вывод, что публикации авторов дальневосточников начала 1920-х годов, названные в начале настоящей статьи, заложили фундамент первого этапа историографии республики [5, с. 39]. С такой оценкой тех брошюр и статей едва ли можно согласиться. Дело в том, что ни в одной последующей советской публикации на них не имеется ни одной ссылки. Таким образом, брошюры и статьи начала 1920-х годов о ДВР, формально предшествовавшие всем остальным советским изданиям, реально не оказали на эти последующие публикации совершенно никакого влияния и не могут считаться основополагающими. Другими словами, в развитии историографии произошел хронологический и концептуальный разрыв, затруднивший дальнейшее изучение буферной проблематики.

Можно высказать предположение, что такая неординарная ситуация произошла по ряду причин. Видимо, главная из них — это самоликвидация ДВР, вызвавшая буквально обрушение актуальности данной темы в советской историографии. Другой причиной могло стать восприятие советскими идеологами дальневосточного буфера с его парламентом, многопартийностью, свободой слова и печати как некой альтернативы диктатуре пролетариата, существовавшей в то время в СССР.

Несколько иначе складывалась судьба публикаций сибиряков, изданных в 1920-е годы, в которых наша отражение буферная проблематика. Они были в разной степени востребованы историками последующих поколений. Наиболее часто исследователи использовали документы, изданные М. М. Константиновым и И. Н. Смирновым. В конце 1950-х годов к ним особенно часто обращался Л. М. Папин [39, с. 75, 78, 83–87, 91, 94, 97, 98, 101, 106], в середине 1960-х, но значительно меньше — Б. М. Шерешевский [40, с. 52, 54–57], в конце 1980-х редко и завуалированно — В. В. Сонин [41, с. 7, 12, 316–317].

Что касается статей, то наибольшей популярностью пользовались публикации А. А. Ширямова. Именно его взгляды на Иркутский Политцентр, замысел буфера и позицию А. М. Краснощекова легли в основу концепции в монографии Л. М. Папина [39, с. 89, 101, 102, 107]. Но позиция А. А. Ширямова по вопросу о взглядах А. М. Краснощекова была подвергнута справедливой критике со стороны

Б. М. Шерешевского [40, с. 55]. В то же время все советские историки обходили молчанием статью И. Н. Смирнова, хотя хорошо знали об ее существовании, и редко обращались к книгам П. С. Парфенова.

В обоих случаях причины такого отношения можно объяснить тем, что во второй половине 1930-х годов названные авторы подверглись репрессиям. Правда, П. С. Парфенов был реабилитирован в 1956 г., а И. Н. Смирнов — только в 1988 г., что объясняет более длительное замалчивание его статьи.

Тем не менее в 1961 г. книга П. С. Парфенова «Гражданская война в Сибири. 1918–1920» и оба издания книги «На соглашениях фронтах» попали в список произведений, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети (см.: [42, с. 290–291]). Возможно, сыграла свою роль опубликованная еще в 1926 г. критическая рецензия К. М. Молотова.

Как следствие такой санации, к настоящему времени названных книг П. С. Парфенова в российских библиотеках почти не осталось. Во многом искусственно созданный советскими властями интеллектуальный дефицит вызвал не вполне адекватный интерес к ним со стороны некоторых профессиональных историков и любителей истории Гражданской войны, а оценки значения научного содержания текстов П. С. Парфенова совершенно необоснованно выросли (см., например: [43, с. 134–135]).

В отечественных исследованиях последних лет получила распространение точка зрения о том, что на протяжении семи десятилетий своего существования советская историография обладала методолого-концептуальным единством, в качестве которого называется ленинская концепция Гражданской войны [44, с. 18; 45, с. 8].

Обращение к публикациям 1920-х годов, посвященных буферной проблематике, позволяет поставить под сомнение столь категорическое утверждение. Их анализ показывает, что в действительности разные авторы первого советского десятилетия отнюдь не были едины в своих мнениях. Напротив, по большинству конкретных вопросов они высказали несовпадавшие точки зрения, хотя в разной степени обоснованные и объективные. В этом плюрализме мнений, не навязанном сверху, а обусловленном авторским знанием и пониманием событий, процессов и действовавших лиц, заключается еще одно из достоинств советской историографии 1920-х годов.

Примечания

¹ Эти переговоры состоялись между представителями Сибревкома, Реввоенсовета 5-й Армии и Политцентра 24 января 1920 г. в Красноярске.

Библиографический список

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Москва: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 42. 624 с.
2. Шурыгин А. П. Историография истории Дальневосточной республики // Вопросы истории Советского Дальнего Востока. Вып. 3: Советский Дальний Восток в период строительства социализма в СССР (1917–1958 гг.). Владивосток, 1965. С. 16–28.
3. Шерешевский Б. М. Первый этап советской историографии Дальневосточной республики (1920-е гг.) // Из

истории гражданской войны в Сибири. Новосибирск, 1973. С. 61–75.

4. Шерешевский Б. М. Новейшая литература по истории ДВР // Дальний Восток. 1974. № 2. С. 145–150.
5. Шерешевский Б. М. Начальный этап советской историографии Дальневосточной республики // Вопросы методологии и историографии: докл. науч. конф. 1974. Вып. 1. С. 36–39.
6. Шерешевский Б. М. Советская историография Дальневосточной республики (с начала 30х до второй половины 50-х гг.) // Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 1976. С. 80–92.
7. ДВР. (Исторический очерк) // Прибайкальский календарь на 1922 г. Верхнеудинск: Объединение Прибайкальского союза кооперативов, 1921. С. 35–39.
8. ДВР. (Исторический очерк) // По родному краю: Краткий очерк Дальневосточной республики и Прибайкалья. Верхнеудинск: Книгоиздательство объединенного Прибайкальского союза кооперативов, 1922. 106 с.
9. Борьба за русский Дальний Восток. Вып. 1. Русский Дальний Восток: сб. материалов для политработников / Под ред. Б. Шумяцкого. [Иркутск:] Окружной военно-редакционный совет 5-й армии и ВСВО, 1922. 35 с.
10. Борьба за Хабаровск: сб. ст. Чита, 1922. 100 с.
11. Как краснел Дальневосточный буфер. Только для политсостава и бюро комячеек. Чита: Издание военно-редакционного совета Красной армии и флота Дальнего Востока, 1922. 44 с.
12. Борьба с контрреволюцией в Сибири и на Дальнем Востоке. Беседы политчаса. [Чита:] Издание военно-редакционного совета НРА и флота ДВР, [1922.] 152 с.
13. Константинов М. Предисловие // Последние дни колчаковщины: сб. док. Москва; Ленинград: Государственное изд-во, 1926. С. 3–18.
14. Допрос Колчака. Ленинград: Государственное изд-во, 1925. 232 с.
15. Ширямов А. Борьба с колчаковщиной // Последние дни колчаковщины. Москва; Ленинград: Государственное изд-во, 1926. С. 19–24.
16. Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредительской и колчаковской контрреволюцией. Москва; Ленинград: Государственное изд-во, 1926. С. 292.
17. Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1960. 292 с.
18. Мухачев Б. И. Александр Краснощеков. Историко-биографический очерк. Владивосток, 1999. С. 169–197.
19. Шишкин В. И. Краснощеков Александр Михайлович // Россия в Гражданской войне 1918–1920: энцикл. В 3 т. Москва: РОССПЭН, 2021. Т. 2. И–П. С. 232–233.
20. Смирнов И. Н. От колчаковщины к Советам (Переговоры с Политическим центром в январе 1920 года) // Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 5. С. 135–139.
21. Последние дни колчаковщины. Сборник документов. Москва; Ленинград: Государственное изд-во, 1926. 231 с.
22. Журнал объединенного заседания мирной делегации Политического центра с Реввоенсоветом 5 армии и Сибревкома от 19 января 1920 г. // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 140–146.
23. Турунов А. Н., Вегман В. Д. Революция и гражданская война в Сибири. Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. 140 с.
24. Первые историки Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири: биобиблиографический указатель / Сост. И. В. Павлова, В. С. Познанский; отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. 103 с.
25. Парфенов П. С. (Петр Алтайский). Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918, 1919 и 1920 гг. Харбин: Изд-во «Правда», 1921. 171 с.

26. Парфенов П. С. Гражданская война в Сибири. 1918–1920. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Государственное изд-во, 1925. 168 с.
27. Парфенов П. С. На соглашательских фронтах. Москва; Ленинград: Московский рабочий, 1927. 208 с.
28. Парфенов П. С. Борьба за Дальний Восток. 1920–1922. [Ленинград:] Прибой, 1928. 368 с.
29. Парфенов П. С. Борьба за Дальний Восток. 1920–1922. 2-е изд., испр. [Москва:] Московское товарищество писателей, 1931. 368 с.
30. Парфенов П. На соглашательских фронтах: издание второе. Москва: Федерация, 1932. 228 с.
31. Пролетарская революция. 1922. № 7.
32. Сибирские огни. 1922. № 2.
33. Печать и революция. 1922. № 7.
34. Красная летопись. 1925. № 2 (13).
35. Северная Азия. 1926. № 1.
36. Шемелев Ал., Ненашев и Онучин В. По поводу статьи П. Парфенова «Предоктябрьские дни в Сибири» // Сибирские огни. 1924. № 4. С. 201–204.
37. Полюдов Е. По поводу статьи П. Парфенова «Предоктябрьские дни в Сибири» // Сибирские огни. Новониколаевск, 1924. № 4. С. 204–205.
38. Историк-марксист. 1927. № 5.
39. Папин Л. М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1957. 224 с.
40. Шерешевский Б. М. Разгром семёновщины (апрель–ноябрь 1920 г.): О роли Дальневосточной республики в борьбе за ликвидацию «читинской пробки» и объединение Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1966. 240 с.
41. Сонин В. В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990. 347 с.
42. Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети. Москва: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1961. Ч. 2. 459 с.
43. Наумов И. В. Гражданская война в Забайкалье в советской историографии 1920-х–начала 1930-х годов // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13, № 2. С. 131–143. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-131-143.
44. Ермакова Э. В. Историография гражданской войны на Дальнем Востоке // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. 2002. Т. VII. С. 17–34.
45. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.

ШИШКИН Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор (Россия), главный научный сотрудник Института истории СО РАН, г. Новосибирск.

SPIN-код: 9517-2164

AuthorID (РИНЦ): 71398

ORCID: 0000-0002-1462-4805

AuthorID (SCOPUS): 57189424846

ResearcherID: H-5627-2016

Адрес для переписки: patric@academ.org

Для цитирования

Шишкин В. И. Советская историография 1920-х годов о буферной государственности эпохи гражданской войны на востоке России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 9–19. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-9-19

Статья поступила в редакцию 11.06.2022 г.

© В. И. Шишкин

SOVIET HISTORIOGRAPHY OF 1920s ON BUFFER STATEHOOD IN RUSSIAN CIVIL WAR PERIOD IN THE EAST OF RUSSIA

The article analyzes Soviet publications of the 1920s studied the buffer statehood in the east of Russia during the period of the Russian Civil War and finds out their contribution to the development of the research problem in Russian historiography. The article concludes by arguing that the main contribution proposed in this field by them are exploring previously unknown unique historical sources and opening them for wide public access; use of different methodological approaches to studying the buffer state and statehood phenomenon; presentation of diverse opinions on the goals of buffer statehood and interpretations of its essence in the form of the Far Eastern Republic. The article shows that the publications of the 1920s has a different fate: some were immediately forgotten or deliberately ignored, others were used by the followers situationally and/or opportunistically, and others remained in demand at all stages of the development of Soviet historiography and even used by some modern authors who studied the Irkutsk Political Center and the Far Eastern Republic.

Keywords: Soviet Russia, Russian Civil War, Bolsheviks, Eastern Russia, Political center, buffer, Far Eastern Republic (FER), historiography.

References

1. Lenin V. I. *Polnoye sobraniye sochineniy*. V 55 t. [The Complete Collection of Works. In 55 vols.]. Moscow, 1970. Vol. 42. 424 p. (In Russ.).
2. Shurygin A. P. *Istoriografiya istorii Dal'nevostochnoy respubliki* [Historiography of the history of the Far Eastern Republic] // *Voprosy istorii Sovetskogo Dal'nego Vostoka*. Vyp. 3: *Sovetskiy Dal'niy Vostok v period stroitel'stva sotsializma v SSSR (1917–1958 gg.)*. *Questions of the History of the Soviet Far East. Issue 3: The Soviet Far East During the Period of Building SOCIALISM in the USSR (1917–1958)*. Vladivostok, 1965. P. 16–28. (In Russ.).
3. Shereshevskiy B. M. *Pervyy etap sovetsoy istoriografii Dal'nevostochnoy respubliki (1920-e gg.)* [The first stage of the Soviet historiography of the Far Eastern Republic] // *Iz istorii grazhdanskoj vojny v Sibiri* [From the history of the Civil War in Siberia]. Novosibirsk, 1973. P. 61–75. (In Russ.).
4. Shereshevskiy B. M. *Noveyshaya literatura po istorii DVR* [The latest literature on the history of the Far East]. *Dal'niy Vostok* [Far East]. 1974. No 2. P. 145–150. (In Russ.).
5. Shereshevskiy B. M. *Nachal'nyy etap sovetsoy istoriografii Dal'nevostochnoy respubliki* [The initial stage of the Soviet historiography of the Far Eastern Republic] // *Voprosy metodologii i istoriografii* [Questions of methodology and historiography]. Tomsk, 1974. Issue 1. P. 36–39. (In Russ.).
6. Shereshevskiy B. M. *Sovetskaya istoriografiya Dal'nevostochnoy respubliki (s nachala 30kh do vtoroy poloviny 50kh gg.)* [Soviet historiography of the Far Eastern Republic (from the beginning of the 1930s to the second half of the 1950s)] // *Voprosy istoriografii sotsialisticheskogo i kommunisticheskogo stroitel'stva v Sibiri* [Questions of the Historiography of Socialist and Communist Building in Siberia]. Novosibirsk, 1976. P. 80–92. (In Russ.).
7. DVR. (Istoricheskiy ocherk) [FER. (Historical essay)] // *Pribaykal'skiy kalendar' na 1922 g.* [Baikal Calendar for 1922]. Verkhneudinsk, 1921. P. 35–39. (In Russ.).
8. DVR. (Istoricheskiy ocherk) [FER. (Historical essay)] // *Po rodnomu krayu: Kratkiy ocherk Dal'nevostochnoy respubliki i Pribaykal'ya* [In the native land: a Brief Essay on the Far Eastern Republic and the Baikal Region]. Verkhneudinsk, 1922. 106 p. (In Russ.).
9. *Bor'ba za russkiy Dal'niy Vostok*. Vyp. 1. *Russkiy Dal'niy Vostok: sbornik materialov dlya politrabotnikov* [The struggle for the Russian Far East Issue 1. Russian Far East: a collection of materials for political workers] / Ed. B. Shumyatskiy. [Irkutsk], 1922. 35 p. (In Russ.).
10. *Bor'ba za Khabarovsk* [Struggle for Khabarovsk]. Chita, 1922. 100 p. (In Russ.).
11. *Kak krasnel Dal'nevostochnyy bufer. Tol'ko dlya politsoštava i byuro komyacheyek* [How red was the Far East buffer. Only for the political staff and the bureau of committee cells]. Chita, 1922. 44 p. (In Russ.).
12. *Bor'ba s kontrrevolyutsiyey v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. Besedy politchasa* [The fight against counter-revolution in Siberia and the Far East. Political conversations]. [Chita, 1922.] 152 p. (In Russ.).
13. Konstantinov M. *Predisloviye* [Preface] // *Posledniye dni kolchakovshchiny* [The last days of Kolchak]. Moscow, Leningrad, 1926. P. 3–18. (In Russ.).
14. *Dopros Kolchaka* [Interrogation of Kolchak]. Leningrad, 1925. 232 p. (In Russ.).
15. Shiryamov A. *Bor'ba s kolchakovshchiny* [The fight against Kolchakism] // In: *Posledniye dni kolchakovshchiny* [Last days of Kolchakism]. Moscow; Leningrad, 1926. P. 19–24. (In Russ.).
16. Shiryamov A. *Irkutskoye vosstaniye i rasstrel Kolchaka* [Irkutsk uprising and the execution of Kolchak] // *Bor'ba za Ural i*

- Sibir'. Vospominaniya i stat'i uchastnikov bor'by s uchredilovskoy i kolchakovskoy kontrrevolyutsiyey [Struggle for the Urals and Siberia. Memoirs and articles of participants in the struggle against the Constituent and Kolchak counter-revolutions]. Moscow; Leningrad, 1926. P. 281–304. (In Russ.).
17. Solodyankin A. G. Kommunisty Irkutsk v bor'be s kolchakovshchiny [Communists of Irkutsk in the fight against the Kolchak regime]. Irkutsk, 1960. 292 p. (In Russ.).
18. Mukhachev B. I. Aleksandr Krasnoshchekov: istoriko-biograficheskiy ocherk [Alexander Krasnoshchekov: Historical and Biographical Essay]. Vladivostok, 1999. 283 p. (In Russ.).
19. Shishkin V. I. Krasnoshchekov Aleksandr Mikhaylovich [Krasnoshchekov Alexander Mikhailovich] // Rossiya v Grazhdanskoy voyne 1918–1920: entsikl. V 3 t. [Russia in the Civil War 1918–1920: an encyclopedia. In 3 vols.]. Moscow, 2021. Vol. 2: I–P. P. 232–233. (In Russ.).
20. Smirnov I. N. Ot kolchakovshchiny k Sovetam (Peregovory s Politicheskim tsentrom v yanvare 1920 goda) [From the Kolchak regime to the Soviets (Negotiations with the Political Center in January 1920)] // Sibirskiye ogni [Siberian lights]. Novosibirsk, 1927. No 5. P. 135–139. (In Russ.).
21. Posledniye dni kolchakovshchiny [The last days of the Kolchak regime]. Moscow; Leningrad, 1926. 231 p. (In Russ.).
22. Zhurnal ob"yedinennogo zasedaniya mirnoy delegatsii Politicheskogo tsentra s Revvovensovetom 5 armii i Sibrevkoma ot 19 yanvarya 1920 g. [Journal of the joint meeting of the peace delegation of the Political Center with the Revolutionary Military Council of the 5th Army and the Sibrevkom dated January 19, 1920]. Sibirskiye ogni. *Sibirskiye Ognii*. 1927. No. 5. P. 140–147. (In Russ.).
23. Turunov A. N., Vegman V. D. Revolyutsiya i grazhdanskaya vojna v Sibiri. Ukazatel' knig i zhurnal'nykh statey [Revolution and Civil War in Siberia. Index of books and journal articles]. Novosibirsk, 1928. 140 p. (In Russ.).
24. Pervyye istoriki Oktyabr'skoy revolyutsii i grazhdanskoy vojny v Sibiri: biobibliograficheskiy ukazatel' [The first historians of the October Revolution and the Civil War in Siberia: a biobibliographic index] / Comp. I. V. Pavlova, V. S. Poznansky; by ed. V. I. Shishkin. Novosibirsk, 1988. 103 p. (In Russ.).
25. Parfenov P. S. (Petr Altayskiy). Uroki proshlogo. Grazhdanskaya vojna v Sibiri 1918, 1919 i 1920 gg. [Lessons from the past. Civil war in Siberia 1918, 1919 and 1920]. Harbin, 1921. 171 p. (In Russ.).
26. Parfenov P. S. Grazhdanskaya vojna v Sibiri. 1918–1920 [Civil war in Siberia. 1918–1920. 2nd ed. Moscow, 1925. 168 p. (In Russ.).
27. Parfenov P. S. Na soglasatel'skikh frontakh [On the conciliatory fronts]. Moscow; Leningrad, 1927. 208 p. (In Russ.).
28. Parfenov P. S. Bor'ba za Dal'niy Vostok. 1920–1922 [Fight for the Far East. 1920–1922]. [Leningrad], 1928. 368 p. (In Russ.).
29. Parfenov P. S. Bor'ba za Dal'niy Vostok. 1920–1922 [Fight for the Far East. 1920–1922]. 2nd ed. [Moscow], 1931. 368 p. (In Russ.).
30. Parfenov P. Na soglasatel'skikh frontakh: izdaniye vtoroye [On the compromise fronts]. 2nd ed. Moscow, 1932. 228 p. (In Russ.).
31. Pechat' i revolyutsiya. *Pechat' i Revolyutsiya*. 1922. No. 7. (In Russ.).
32. Sibirskiye ogni. *Sibirskiye Ognii*. 1922. No. 2. (In Russ.).
33. Pechat' i revolyutsiya. *Pechat' i Revolyutsiya*. 1922. No. 7. (In Russ.).
34. Krasnaya letopis'. *Krasnaya Letopis'*. 1925. No. 2 (13). (In Russ.).
35. Severnaya Aziya. *Severnaya Aziya*. 1926. No. 1. (In Russ.).
36. Shemelev Al., Nenashev and Onuchin V. Po povodu stat'i P. Parfenova «Predoktyabr'skiye dni v Sibiri» [Regarding the article by P. Parfenov "Pre-October days in Siberia"] // Sibirskiye ogni. *Sibirskiye Ognii*. 1924. No. 4. P. 201–204. (In Russ.).
37. Polyudov E. Po povodu stat'i P. Parfenova «Predoktyabr'skiye dni v Sibiri» [Regarding the article by P. Parfenov "Pre-October days in Siberia"] // Sibirskiye ogni. *Sibirskiye Ognii*. 1924. No. 4. P. 204–205. (In Russ.).
38. Istorik-marksist. *Istorik-marksist*. 1927. No. 5. (In Russ.).
39. Papin L. M. Krakh kolchakovshchiny i obrazovaniye Dal'nevostochnoy respubliki [The collapse of Kolchakism and the formation of the Far Eastern Republic]. Moscow, 1957. 224 p. (In Russ.).
40. Shereshevsky B. M. Razgrom semenovshchiny (aprel' – noyabr' 1920 g.): O roli Dal'nevostochnoy respubliki v bor'be za likvidatsiyu «chitinskoy probki» i ob"yedeneniye Dal'nego Vostoka [The Defeat of the Semyonovshchina (April–November 1920): On the role of the Far Eastern Republic in the struggle to eliminate the «Chita traffic jam» and unify the Far East]. Novosibirsk, 1966. 240 p. (In Russ.).
41. Sonin V. V. Stanovleniye Dal'nevostochnoy respubliki (1920–1922) [Formation of the Far Eastern Republic (1920–1922)]. Vladivostok, 1990. 347 p. (In Russ.).
42. Svodnyy spisok knig, podlezhashchikh isklyucheniyu iz bibliotek i knigotorgovoy seti [Consolidated list of books to be excluded from libraries and bookselling network]. Moscow, 1961. Part 2. 459 p. (In Russ.).
43. Naumov I. V. Grazhdanskaya vojna v Zabaykal'ye v sovetskoy istoriografii 1920-kh–nachala 1930-kh godov [Civil war in Transbaikalia in the Soviet historiography of the 1920s–the beginning of the 1930s] // *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13, no. 2. P. 131–143. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-2-131-143. (In Russ.).
44. Ermakova E. V. Istorografiya grazhdanskoy vojny na Dal'nem Vostoke [Historiography of the Civil War in the Far East]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka // Proceedings of the Russian State Historical Archive of the Far East*. 2002. Vol. VII. P. 17–34. (In Russ.).
45. Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 goda i grazhdanskoy vojny [The Far East of Russia during the Revolutions of 1917 and the Civil War]. Vladivostok, 2003. 632 p. (In Russ.).

SHISHKIN Vladimir Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of History Institute, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.
 SPIN-code: 9517-2164
 AuthorID (RSCI): 71398
 ORCID: 0000-0002-1462-4805
 AuthorID (SCOPUS): 57189424846
 ResearcherID: H-5627-2016
 Correspondence address: patric@academ.org

For citations

Shishkin V. I. Soviet historiography of 1920s on buffer statehood in Russian Civil War period in the East of Russia // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2022. Vol. 7, no. 3. P. 9–19. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-9-19.

Received June 11, 2022.

© V. I. Shishkin